

СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ

Евангелие от Алисы

ПЬЕСЫ И МОНОЛОГИ

Сергей Медведев
Евангелие от Алисы.
Пьесы и монологи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38976633

ISBN 9785449352590

Аннотация

Шесть пьес разных лет и шесть монологов. «Евангелие от Алисы», «Рай», «Квартирантка», «Секретный проект «Жуки-64», «Месяц у моря» и другие.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Красота следователя	5
Модель	16
Евангелие от Алисы	24
Лишний вес	37
Рай	48
Две сестры	58
Невидимка	68
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Евангелие от Алисы

Пьесы и монологи

Сергей Медведев

© Сергей Медведев, 2018

ISBN 978-5-4493-5259-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красота следователя

Закончила я юрфак и думаю, куда идти работать. В торговлю или в турбизнес? А я некрасивая, и в следователи меня не возьмут, вбила я себе в голову. Хотя я не против была поработать и по специальности. Мать говорит, схожу в ОВД к старшим следователям, поговорю с ними. Приходит, мол, поговорила, возьмут тебя в следователи, решение принято.

Посадили меня в комнате с двумя молодыми мужчинами, довольно симпатичными. Один с усами – Володя, другой с ямочкой на подбородке – Саша. Чувствую, я им не понравилась, но сказать им нечего – не на их уровне принято решение.

Примерно месяц я просидела, перебирая бумаги, систематизируя преступников по фамилиям. С коллегами практически не общалась, так – здрасьте, до свидания. И тут приходит Саша и говорит, принято решение использовать тебя в розыскной работе, вот почитай. И протягивает мне папку.

Оказалось, что за последние три месяца найдены мертвыми три девушки. Не просто мертвые, а обезглавленные. И личности не установлены – голов так и не нашли. Есть одна зацепка – у всех были использованные билеты в театр юного зрителя. На разные спектакли. Но во всех этих спектаклях есть общее – там играет заслуженный артист РФ – Сергей Иванов, 50 лет. Его бы задержали, он бы, конечно, расколол-

ся через полчаса. Но прямых улик нет, а у него такие связи. Начальство боится, а вдруг ошибка. И что тогда?

– Надо его как-то взять с поличным. И вот мы подумали, что ты сможешь нам помочь. Познакомишься с ним, ну и все дела, – говорят мне коллеги.

Я им честно говорю:

– Я боюсь, а вдруг он отрежет мне голову?

– Правильно говорить – обезглавит. Не обезглавит, не ссы, мы будем рядом. Может быть, он тебе сразу все сам расскажет.

– Испугается тебя и все расскажет, – пошутил Володя и засмеялся.

– Ничего смешного. Если мы не раскроем это преступление, начальство нас самих обезглавит, – сказал Саша.

Ну, думаю, избавиться от меня хотят, сволочи. Но как откажешься?

– Мама, я уволюсь, – сказала я маме.

– Дочь, иди. Ты думаешь, тебя взяли в следователи за красивые глаза? Думаешь, матери не жалко 200 тысяч рублей?

Делать нечего.

Решили, что в пятницу после спектакля я пойду за ним, дождусь, когда он зайдет в ночной клуб (предположительно, он знакомился с девушками по пятницам в ночных клубах,

но в каких именно, никто не знал).

– Попросишь у него автограф, скажешь, что поклонница, – посоветовал Володя.

– Думаете, он клонет на меня? Я же не красавица, сами видите, может, я ему не понравлюсь, – я еще на что-то надеялась.

– Не проблема... Угостишь его бутылкой водки, закуски возьмешь, ты же поклонница. Мы дадим тебе денег, – Владимир говорил очень серьезно, со знанием дела. – Потом ориентируешься исходя из обстановки.

– Если что, звони, – сказал Саша.

Делать нечего, дождалась я окончания спектакля и пошла за этим заслуженным артистом. И действительно, он заходит в ночной клуб. А я за ним. Он оглядывается по сторонам, и заходит в мужской туалет. Его долго нет. Я вся на нервах. А вдруг там есть еще один выход? В туалет заходить не стала. Пять минут нет, десять. Я и не заметила, как он вышел, по светлому плащу опознала. Сел у стойки, что-то заказал. Я к нему. Хорошо, что не окликнула по имени-отчеству. Вот это был бы конфуз. Потому что, когда подошла ближе, увидела, что у стойки стоит мужик с бородой. То есть, мне понятно, что это Иванов. Но с бородой. Значит, хочет, чтобы его не узнали. Я поняла, что он и есть убийца. Иначе, зачем бороду в туалете приклеивать?

– Это не о чем не говорит, просто человек хочет отдохнуть от назойливого внимания поклонников, – сказал Володя.

В общем, наш план не сработал. А где гарантия, что в следующий раз он опять не наклеит бороду или даже парик. Наверняка наклеит.

– Может, Татьяна скажет, что она проститутка? – задумался Владимир.

– Нет. Таких не берут в проститутки, – пошутил Александр.– Или она купит ему бутылку водки? Нет?

– Нет.

– Может она закашляется и попросит его похлопать ее по спине?

– Я понял, она скажет, что журналистка, хочет написать о ночной жизни. А он просто колоритный персонаж, солидный мужчина и вдруг в таком месте..

– И купит бутылку водки.

На том и порешили.

В общем, в ночном клубе я подошла к Иванову. Он посмотрел в мою сторону. У него был такой страшный безумный взгляд, что я не могла отвести глаза. И даже подавилась. И он похлопал меня по спине.

– Вы здесь одна? – спросил он меня, схватив за руку.

– С подругой.

– Зачем вы врете? Вы здесь одна. Я полчаса за вами на-

блюдаю.

– Нет, нет...

– Вы проститутка? – повысил он мою самооценку. – Ведь это вас я здесь видел в прошлую пятницу? У меня прекрасная зрительная память. Признайтесь, я угадал? Не надо стесняться своей профессии. Все так временно на этой земле. Мы как перелетные птицы, когда приходит осень, тоже не хотим никуда лететь, но мы не подвластны своим инстинктам... Увы.

– Я журналистка, – произнесла я дрожащим голосом.

– Странно. Не угадал. Очень странно. О чем пишете?

– Пишу о ночной жизни города. Я здесь по заданию редакции. Меня будут искать. Если что.

– Вы меня боитесь? Не бойтесь, я работаю в полиции, – он положил руку мне на колено, я убрала ее.

– В каком отделе работаете? Я всех там знаю...

– Я прикомандирован из Астрахани, деточка.

– Вы не похожи на полицейского.

– Я пошутил, а вы угадали. А на кого я похож? – Иванов заинтересовался.

На кого он похож? Это один из самых сложных вопросов: на кого похож тот или иной человек? Нет, я не подходила для оперативной работы, я не любила врать. Конечно, он был похож на маньяка. Но как я могла об этом сказать.

– Вы похожи на ИЧП. Индивидуального частного предпринимателя.

– Торгаша что ли?

– Почему торгаша? Может быть, вы что-то производите, чебуреки, например.

– О-хо-хо... Деточка, ты когда-нибудь была в театре? – он постоянно переходил с ты на вы, не зная на чем остановиться.

– Нет, – сказала я правду.

– Что, действительно?

– Клянусь.

– Куда катится этот мир? Я тебя спрашиваю, куда?

– Не знаю.

– И артиста Сергея Иванова ты не знаешь?

– Нет, но где-то читала, что он заслуженный артист РФ.

– Это правда, это правда, – он задумался. – А между тем, Иванов – это я, – он отклеил бороду. – Приходится гримироваться. Чтобы не узнали. Сейчас, разговаривая с вами, я думаю, что это излишняя предосторожность.

– Правда, вы – артист? Не может быть!

– Правда. Я часто хожу по ночным клубам, изучаю нравы, примериваюсь к ролям, сейчас я мечтаю сыграть в горьковском «На дне». Читали?

– Нет, не доводилось.

– А «Гамлет» вам знаком?

– И Гамлет не знаком.

– А сколько вам лет, моя дорогая?

– 23 года.

– 23 года! Боже мой, боже мой! Где мои 23 года? Я бы читал тебе по ночам Гамлета, – он схватил меня за руку, и я чуть не описалась от ужаса. – Впрочем, у меня есть лишний билет на один бездарный спектаклик в постановке бездарного режиссера. Но с моим участием. Вот возьмите, – он вытащил из кармана плаща билет. – Берите. Молодым, знаете, куда у нас дорога?

– Куда? – в голове мелькнуло – «на тот свет».

– В театр, моя дорогая, – он рассмеялся. – В театр. Еще и заметку напишите. Подождите меня после спектакля, я вам дам небольшое интервью.

– Ну, Танька, ты молодец, на раз раскрутила мужика, – сказал мне Володя. – И что он в тебе нашел?

– А может быть, он просто из молодых девок кровь пьет? Хочет омолодиться – пошутил Саша. – Ему главное качество крови, упаковка не имеет значения.

– Не знаю, Сань. Все может быть. Увидим. В общем, Тань, ты купи цветы, деньги мы дадим, и встречай его после спектакля. Мол, поздравляю, никогда ничего подобного не видела, хотела бы познакомиться поближе и взять обещанное интервью. А мы будем на машине дежурить у входа. Поедем потихоньку за вами. Лады?

– Ну черт с вами, лады.

– Мама я боюсь, – сказала я матери. – Ты можешь встретить меня после спектакля? На всякий случай.

– Ничего не бойся, Танька, а вдруг он никакой не маньяк, познакомишься поближе с заслуженным артистом. Пан или пропал. То, что ему пятьдесят, это не главное.

Я поняла, что и мать не прочь от меня избавиться.

Спектакль я не помню. Даже названия. Что-то о взаимоотношениях отцов и детей. Еще и фильм такой есть. Помню, что в зале было очень мало народу.

После спектакля я вручила Иванову цветы, и он сказал:

– А поедем-ка ко мне на дачку! Поедем, не пожалеете.

Вышли мы через служебный вход. Думаю, а где же наша машина с Саней и Володей? Нет ее. Потом выяснилось, что они не знали, где находится театр юного зрителя и ждали меня около драмы, там они пару раз бывали на дне полиции.

По дороге мне удалось отправить СМС-ку: «Едем на дачу, спасайте».

Они мне шлют ответ: «Спроси, где находится дача?»

– Сергей Михайлович, а где ваша дача? – я, хорошая девочка, спросила.

– В получасе от города.

Я поняла, что на помощь рассчитывать не приходится. Попыталась открыть дверь и выпрыгнуть, но двери оказались заблокированными.

– Татьяна, вам говорили, что вы красавица? – вдруг заговорил Иванов.

– Нет. Говорили совсем другое.

– Что они понимают в женской красоте? Молодежь. С возрастом начинаешь ценить даже тембр голоса. Один голос может завести.

Я немного успокоилась. А может, я ему действительно понравилась? И никакой он не маньяк.

– А вы сами себе нравитесь? – продолжает он разговор.

– Не очень.

– А что вам не нравится?

– Ну лицо прежде всего, – про ноги и грудь я не решилась сказать, чтобы не возбуждать.

– Хотели бы себе другое лицо? Ха-ха. Я думаю, вам надо поменять голову.

– Нет, нет, нет, – боже мой, что он говорит. У него на даче, наверное, в подвале есть три запасные головы. Выбирай любую.

– Да. Обязательно, деточка, вам надо поменять голову и ее наполнение, – он вдруг стал называть меня деточкой. – Надо больше читать. И еще. Вы любите марихуану?

– Чего-чего?

– Марихуану сейчас покурим у меня на даче. Сам выращиваю. Отлично мозги прочищает. А потом я почитаю вам

что-нибудь из «Гамлета».

На дачу мы не приехали. Потому что мне позвонил Александр и сказал, что только что обнаружили четвертое обезглавленное женское тело, еще теплое, так что это уж точно не артист Сергей Иванов, а какой-то другой человек, наверное, никакой и не артист.

– Так что отбой, срочно возвращайся, Танька, будем думать вместе.

– А билеты в театр у убитой имеются?

– Имеются, но на спектакль, в котором не занят Иванов. Начальство говорит, преступника надо искать среди распространителей билетов. А может, кто-то специально хочет пустить нас по ложному следу. Пока непонятно по какому.

Пришлось предъявить удостоверение и объясняться. Сергей Михайлович развернулся и подвез меня к отделу. Мне показалось, что у него на глазах выступили слезы.

– Вот, значит, до чего докатился мир! Я подозревал, конечно, но не думал, что все так плохо. Заслуженного артиста РФ подозревали в серийных убийствах! Это уму непостижимо.

– Извините, Сергей Михайлович. Ради бога.

– А я вас, значит, заинтересовал исключительно как подозреваемый?

– Что вы, что вы! Вы очень интересный мужчина. Но у нас

такая разница в возрасте.

– До свидания, Татьяна, не знаю, как вас по отчеству. Про марихуану, я кстати, или точнее, не кстати, пошутил. Нет у меня никакой марихуаны. Откуда? Вы что! Корвалол. Только корвалол.

Модель

Запоминайте: врачи – самые обделенные женщины в мире. Не только по сравнению с фотомоделями, но даже по сравнению с инженерами, у которых нет спецодежды. Может быть, женщины – военнослужащие такие же несчастные, как и врачи. Сталеваров и женщин-грузчиц я не беру в расчет, потому что среди моих знакомых нет сталеваров и грузчиков, и мне не знаком ход их мысли.

Почему врачи такие обездоленные? А потому что на работе мы должны ходить в белых халатах, шапочках, а с некоторых пор еще и в бахилах. То есть прятать свою красоту от окружающих.

А в периоды всяких гриппов и острых респираторных заболеваний мы вынуждены носить намордники – марлевые повязки. Это ужасно. Особенно если ты молода и красива.

Это вступление. Анамнез, если хотите.

Два года назад я работала заместителем главврача зубной поликлиники номер 110. Бумажная работа. Тоска смертная. Никто не хотел работать с бумагами. Муж сказал, что если я хочу расти, то должна соглашаться на все, что он мне предлагает. А мой муж, между прочим, второй заместитель главного министра здравоохранения города. За три года до этого я вырвала ему зуб. Я хорошо вырывала зубы.

– Девочка, есть такое слово – карьера. Поработай года три замом, я сделаю тебя главврачом. Будешь с водителем по городу ездить, в открытое окно плевать семечки.

– Виктор Сергеевич, – мужа я называла по имени-отчеству и на вы, – я бы хотела еще по ночным клубам походить. Молодость проходит, а что я вижу? И кто меня видит, кроме людей с плохими зубами и других врачей? Да и то в халате, бахилах и в наморднике. Пойдемте, погуляем, сегодня же воскресенье. Я новое платье купила, посмотрите, как я выгляжу на общем фоне.

– Светочка, ты же знаешь, что мне надо готовиться к докладу. Завтра же понедельник, все ждут моего доклада.

– Ну, пойдемте хоть по парку культуры и отдыха погуляем.

– Не-мо-гу, моя девочка. Мне еще спецлитературу надо хотя бы по диагонали пробежать. Пойди сама, если так нейдет. Но смотри, чтобы к восьми была дома, как штык. Да, пойди погуляй, сделай прическу, покрасуйся в парке на общем фоне.

Я так и сделала, надела новое платье, заскочила в парикмахерскую и пошла гулять по парку.

Иду по парку и вижу, художники рисуют невзрачных прохожих. Некоторые очень похоже. Один из этих художников хватает меня за платье и говорит:

– Вам так идет это платье, и такая у вас красивая прическа, что просто грех вас не нарисовать. Не дайте согрешить.

– Сколько?

– Тысяча! Но торг уместен! Садитесь, договоримся.

– Ладно, рисуйте, – у меня было хорошее настроение, день был солнечным, и в планах у меня было посещение кафе и 50 граммов коньяка за 100 рублей.

У художника не было четырех зубов – справа клыка и первого премоляра, слева – первого премоляра и резца. Это то, что видно. На вид – лет сорок-сорок пять.

Мы разговорились.

Оказалось, что, несмотря на возраст, художник строит планы на будущее, он член объединения «Донской луч», а уличное творчество – своего рода тренировка. Свои картины художник подписывал псевдонимом – Иван Икс.

Я сказала, что работаю в стоматологической поликлинике, заместителем главврача, и если ему потребуется помощь (а она потребуется обязательно), пусть приходит к нам в поликлинику. И дала ему визитку.

Иван нарисовал меня очень похоже. Получился такой поясной портрет, мне даже показалось, что мой бюст на картине больше, чем на самом деле. Но я ничего не сказала художнику на сей счет. Только подумала, что Виктору Сергеевичу не понравится мой портрет, он скажет, что я выгляжу

развратно и нагло улыбаюсь.

Обязательно спросит:

– Растащило, рядом с молодым мужиком?

Не буду же я ему объяснять, что Иван не на много младше самого Виктора Сергеевича.

– Знаете, что Иван, а подарите мне какой-нибудь свой пейзаж, а эту работу можете оставить себе.

– Почему? Вам не понравилось?

– Понравилось, но у меня муж тоже рисует, и он ругается, когда я приношу домой работы других художников, – сочинила я на ходу. Не могла же я сказать, что мой муж старый ревнивый мудака. – Это касается только портретов, пейзажей это не касается.

Прошел, наверное, месяц. Я забыла об Иване. Но он напомнил о себе и позвонил:

– Светочка, а у меня для вас сюрприз. Завтра открывается выставка нашего творческого объединения, и я хотел бы вас с мужем пригласить на ее открытие.

– Что за выставка?

– «Наш современник». Там будет и ваш портрет. Я переписал его маслом. Приходите обязательно. Будет фуршет. Обязательно приходите с мужем.

– Нет, нет, он не пойдет. Ему надо к докладу готовиться. Что вы, что вы...

Тревога поселилась в моей душе. Свила гнездо, как ку-
кушка. Хорошо, что Виктор Сергеевич не пошел на выстав-
ку.

Когда я (в новом платье) вошла в зал, то сразу увидела
«Заместителя главврача стоматологической поликлиники
№110 Светлану». Так называлась картина. Метр на полтора.
Я – а это несомненно была я – бежала по ромашковому по-
лю в белом прозрачном халате, каких не бывает в природе,
и было видно, что на мне нет нижнего белья. Зато на груди
у меня был крест, хотя я не ношу крестов, они мне не идут.

Не знаю, бывали ли вы в подобной ситуации? На что
похожи ощущения? Ватные ноги, хоть стой, хоть падай...
Это не то. Как-то Виктор Сергеевич выписал себе из ин-
тернет-магазина фалло-имитатор. Я его получила на почте,
кто же еще? Не он же пойдет на почту. В подъезде, не выдер-
жала, решила посмотреть на покупку, и в этот момент сосед-
ка открыла дверь и, улыбнувшись беззубым ртом, спросила:

– Ну, как, помогает?

– По-разному, – ответила тогда я.

Иван стоял рядом с картиной, с бокалом шампанского
в руках и что-то рассказывал какой-то бабе. После каждого
слова Ивана, баба кивала головой и улыбалась.

Художник увидел меня и помахал рукой, приглашая присоединиться к беседе.

Я убежала.

Блиин! Какой идиот! А если бы я пошла с Виктором Сергеевичем?

Понятно, что никто из врачей нашей поликлиники на выставки «Донского луча» не ходит. И я как-то успокоилась. Прошла неделя.

Я сидела, составляла методички, и вдруг мне звонит главврачиха.

– Света, зайди.

Я зашла.

– Света, я вчера включила телевизор. А там наши пуси райот отжигают. Тебе не стыдно?

– Какие пуси райот? – поначалу я не поняла о чем речь. То есть одна часть моего мозга поняла все сразу, а другая еще на что-то надеялась.

– Заместитель главврача поликлиники №110. Эх, ты. Виктор Сергеевич знает?

– Не знаю.

– Все, свободна. На всякий случай, напиши объяснительную.

– Что писать?

– Что хочешь, тут я не советчик.

Когда я пришла домой, Виктор Сергеевич уже все знал. Он молча ударил меня по лицу и ушел к себе в комнату. Потом все-таки вышел, у него было заплаканное лицо, изо рта пахло коньяком.

– Света, ты хоть понимаешь, что ты наделала?

– А что я наделала?

– Ничего. Ты подумала, что я скажу детям?

– Каким детям?

– Своим. Мирославе и Виктору Викторовичу.

У Виктора Сергеевича были взрослые дети – мальчик и девочка. Чуть младше меня. И еще у него была жива первая жена.

– Боже мой, весь город о нас только и говорит, – покачал головой Виктор Сергеевич.

Вечером того же вечера мне позвонил Иван Икс.

– Светочка, вы не представляете, какая реакция после вчерашней передачи. Все-таки телевидение – сила. В газетах была пара публикаций, но никто ничего не заметил. Все восхищаются вашим портретом. Я говорю, что моей заслуги в этом нет, картину сделала модель. Художники просят дать ваш телефон. Все вас хотят рисовать. У вас хорошее русское лицо. Можно я дам ваш телефончик?

– Давайте.

С Виктором Сергеевичем мы расстались. Работу по специальности в этом городе я до сих пор найти не могу – бывший муж об этом позаботился.

Теперь я снимаю комнату в коммуналке.

Я собираю жерделы на улице.

Крашу луковой шелухой ткани.

Варю варенье из зеленых грецких орехов.

Ну и торгую своим телом – позирую в художественном училище, а также знакомым художникам.

Я думаю, что подсознательно именно этого я и хотела: не ходить в белом халате, в бахилах и наморднике и чтобы все мною любовались.

По моим примерным подсчетам в мире уже существует около сотни моих портретов. И это не предел.

Евангелие от Алисы

1. Однажды вечером я пошла кататься на роликах в парк имени Вити Черевичкина. После работы, пока не стемнело, я успевала покататься на роликах. Мне всегда нравились фильм «Карнавал» и актриса Ирина Муравьева. Понятно, что роликовые коньки – не для кассиров гастронома «Двочка», так что на меня в коллективе смотрели косо, типа интеллигенция, хочет выделиться, обидеть простого человека. А я – не интеллигенция, я просто городская, а они в большинстве – из соседних деревень. Отсталые люди. Какие им там ролики! Им бы телегу. В тридцать лет жопы на стуле не помещаются.

Вот в один такой прекрасный вечер я каталась, каталась и заблудилась. А я не пьяная была. Если что. Какая-то у меня была потеря ориентации – это я сейчас так думаю.

Темнеет, страшно, а мало ли сейчас маньяков? Да каждый второй.

Вижу – ларек какой-то, дверь открыта, внутри темно. Захожу, включаю фонарик на телефоне. Вижу – пустые коробки из-под растительного масла, пластиковые бутылки без этикеток, чистые, и старинный холодильник «Зил». Причем холодильник работает, издает какие-то звуки, хотя проводов нет. Помню, что подумала: «На батарейках, что ли». Муж

мне всегда говорит: «Не лезь в каждую дырку, тебе что, больше всех надо? Время какое, сама не знаешь, что ли? Полезешь, и голову оторвет или руку». Но я такая. Боевая. Типа сначала лезу, потом думаю.

Открываю я этот холодильник, и вижу, что внутри него лежит книга. Книга покрыта слоем льда, как мороженая рыба.

Что за название – не разберешь. ХЗ, как говорится. Кто знает.

Не могу сказать, что на меня это не произвело никакого впечатления. Произвело, конечно. Это как если бы кассиру на чай дали.

2.

Я почему-то подумала, что в холодильнике должны хранить или Библию, или «Идиота» Достоевского. Но не современного автора. Вот не знаю, почему, но я так подумала.

Я подышала на книгу, лед оттаял немного, вижу заголовок – «Фейнман. Лекции по физике», 1-й том.

Блиин! Не повезло. Значит, я никогда не прочитаю ни Библию, ни «Идиота».

Хотела сразу выбросить, но потом подумала, что в доме нужна непищевая бумага. Вдруг придется что-то завернуть – не пищевое, конечно. Пищевое я заворачиваю в специальную бумагу, которую приношу с работы. Муж пусть заворачивает свои электродетали. А то недавно смотрю, а он ка-

кие-то грязные переключатели заворачивает в пищевую бумагу. Совсем чокнулся.

Помню, что когда я взяла книгу в руки, то сразу же нашла дорогу к троллейбусной остановке. Весь парк Вити Черевичкина – 100 на 100 метров, казалось бы, нетрудно найти дорогу. Но ведь пока не нашла книгу, не могла выйти. Это факт.

3.

Я принесла лекции по физике домой и закрылась в ванной комнате. Николай смотрел в это время «Камеди Вумен» – я услышала его громкий смех.

Он смеется, как идиот. Так, наверное, смеялись бы лошади, если бы их кто-то смог рассмешить.

А у меня, как он засмеется, так ненависть к нему закипала, потому что я ненавижу эти «Камеди Вумен».

Однажды он мне сказал:

– Представляешь, Алиса, мне сегодня приснилась Наталья Андреевна Еприкян.

Николай считает, что у меня нет чувства юмора. Я просто смешная, а смешная и с чувством юмора – это совершенно разные вещи.

То, что я в сорок лет после работы катаюсь на роликовых коньках, – это да, смешно, но со мной тяжело общаться. Это его слова. Он выпил, конечно, перед тем как сказать это. Так бы не решился, он боится меня. Сказал и сразу уточнил:

– А если ты что-нибудь сломаешь, катаясь на роликах?

– Давай кататься вместе, – сколько раз предлагала я Николаю, – ты будешь меня подстраховывать, чтобы я ничего не сломала, если тебя еще что-то волнует во мне.

4.

Про книгу я Николаю ничего не сказала, просто положила рядом с новыми квитанциями на свет и воду. Потом подумала и вложила квитанции в книгу. Вот, думаю, это самое оно. У меня ничего не пропадает.

Если бы не Роза из первого подъезда, я бы об этих дурацких лекциях никогда бы и не вспомнила.

Роза была типа интеллигентной, но за собой не следила, мне даже кажется, что и голову она мыла не каждый день. Понятно, что и медосмотр в газетах не проводят. Я, честно говоря, в последнее время стараюсь общаться только с работниками торговли. Так надежнее, здоровее, что ли. Николай работал в нашей сети электриком, когда мы познакомились. Тоже проходил медосмотр. Так он, по крайней мере, говорил.

Так вот, Роза работала корректором сразу в нескольких газетах, помню два названия: «Вечерние новости» и «Вестник НЛО».

5.

Еще Роза пекла на продажу торты. Неправильной формы,

без коробок, типа домашних, всегда разного вкуса.

Роза давала объявление о продаже тортов в газетах, где работала корректором. Второй раз у Розы торты не покупали, потому что они были слишком сладкими, и еще она в тесто добавляла много корицы.

Роза была не жадной и угощала тортами весь дом.

– Вот скажите, господа, что не так? Почему не покупают?

– Да потому что дураки, – обычно говорили соседи. Про избыток сахара и корицу они Розе не говорили. Наверное, думали: «Хорошо, что никто не покупает, а мы и такие съедим. Зачем тратиться?» Вот это крохоборство я, как работник «Двоечки», не люблю, хотя, как гражданин, сама так поступаю.

6.

Благодаря этим тортам мы, собственно, и познакомились с Розой.

Очень быстро я узнала, что у Розы есть совершеннолетняя дочь и любовник по имени Володя.

– Мы просто дружим, ничего больше, – Роза смущалась, когда в разговоре случайно всплывала тема Боба. Бобом она его называла.

А я всегда специально говорила: «Ну, как твой Володька, бухает?» Или: «А жена Вовкина про тебя знает?»

Когда по вечерам мы встречались у дома, Роза часто говорила:

– Алисонька, какая вы молодец, что катаетесь на роликах.

Как это здорово. Я бы не смогла.

– А ты попробуй, Роза.

– А у меня и роликов нет.

– У меня есть лишние. Давай, присоединяйся.

– Я убьюсь, я – хрупкая. Можно, я просто иногда буду бегать рядом. А то я все-таки много тортов ем.

– Да бегай, конечно, раз хрупкая.

7.

Так что Роза иногда сопровождала меня в вечерних катаниях. Она бежала за мной и, задыхаясь, грузила историями типа:

– Представляете, Алиса, у меня вся рассада на подоконнике погибла, кто-то сожрал все огурцы за одну ночь. Как думаете, что делать?

– Блин, Роза, откуда я могу знать? Зачем тебе вообще эти огурцы? У нас в «Двоечке» по двадцать рублей кило. Приходи к концу рабочего дня, вместе поищем хорошие.

Или вот еще история от Розы. Она мне говорит как-то:

– А у Лиды, второго нашего корректора, соседи отравили собаку, а сами работают в полиции. Вот что делать?

– Блин, Роза. Что тут поделаешь? Ну, пусть им ручку двери собачьими какашками испачкает.

– Вы думаете?

– Уверена.

Когда мне надоедали эти дурацкие разговоры, я набирала скорость и оставляла Розу наедине со своими мыслями.

А разговор о лекциях по физике у нас зашел вот из-за чего.

Роза решила выписать из телемагазина лекарство для профилактики диабета.

– Вы знаете, Алисонька, с моими тортами, которые мне приходится очень часто есть, мне не помешает подумать и о здоровье, – объяснила Роза.

По словам Розы, за 35 тысяч ей пообещали прислать две маленькие баночки этого профилактического лекарства. Мол, пропьете курс, и никакой диабет до конца жизни не страшен. Жрите свои торты на здоровье. Раз продать не можете.

8.

Потом Розе позвонили. Человек, представившийся майором отдела по борьбе с правонарушениями, сказал, что она связалась с мошенниками, никакое это не лекарство от диабета, жрать его, конечно же, не следовало, но раз мы с вами разговариваем, значит, не все так плохо. Типа не со всеми уже поговоришь. Кроме того, майор пообещал, что всем пострадавшим будет выплачена компенсация морального вреда – 450 тысяч рублей. Правда, предварительно надо выслать 20 тысяч – на юридическое оформление возврата.

– Это же удивительно! – Роза чуть не чокнулась от радости. – Какое же это счастье. Есть в этом мире справедливость. Только ничего не говорите моей дочери, она заберет у меня деньги.

Даже я как-то поделила ее энтузиазм, как-то она умела им заразить. Какой-то был у меня ответный порыв. Понятно, что никаких денег Розе не вернули, а майор через неделю перестал брать трубку. Но это будет потом, а тогда я сказала:

– Поздравляю, Роза. Я так рада за тебя!

– Да, это просто фантастический случай. А у вас бывало нечто подобное?

И тут я вспомнила про случай в парке имени Вити Черевичкина. Кто-то потянул меня за язык.

– А нельзя ли почитать этого Фейнмана? Я быстро, дня за два? – Роза ни с того ни с сего стала очень серьезной. – Вдруг это то, о чем я думаю.

– Да бери, не жалко. Если муж не выбросил.

А муж книгу не выбросил, он заворачивал в книжные страницы детали выключателя. Половина еще осталась, в основном первые страницы.

9.

– Алиса, а вы знаете, что вы – избранная? Вас бог поцеловал. Я не шучу, – Роза прямо засияла, увидев меня вечером следующего дня.

– Роза, ты словами не разбрасывайся. Кем я избранная? Или что ты имеешь в виду?

– Согласитесь, Алиса, что не каждый находит в парке имени Вити Черевичкина в холодильнике лекции Фейнмана по физике. А вы нашли. Это знак. Вы прочитали эти лекции?

– Зачем? Я работаю целыми днями.

– А вот смотрите, – Роза открыла книгу, кажется, на третьей странице. – Вот я вам сама прочитаю. Слушайте внимательно. «Если бы в результате какой-то мировой катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными и к грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это – атомная гипотеза: все тела состоят из атомов – маленьких телец, которые находятся в непрерывном движении, притягиваются на небольшом расстоянии, но отталкиваются, если одно из них плотно прижать к другому. В одной этой фразе, как вы убедитесь, содержится невероятное количество информации о мире, стоит лишь приложить к ней немного воображения и чуть соображения». Это не мои слова. Так говорит сам Фейнман. Это же гениально – мир как совокупность маленьких телец, тянущихся друг к другу и отталкивающихся друг от друга. Я всю ночь не спала, думала об этом. Это же через вас Вселенная словами Фейнмана передает послание человечеству. Вы – избранная, смиритесь с этим. Вы не одна. Сейчас

об этом много пишут. Особенно «Вестник НЛО».

10.

Не скрою, мысль об избранности как-то зацепила меня. Кого не зацепит? Я в детстве мечтала победить на олимпийских играх. Но не получилось. Я особо и не пыталась, надо признать.

Последние годы я провела в сети гастрономов «Двочка». Избранных не встречала. В общем, эта Роза вынесла мне мозг.

– Все это не случайно, вы должны донести эту атомную гипотезу до человечества. Это зашифрованное послание. Вы должны его расшифровать и жить в соответствии с установками лекций по физике. По физическим законам.

Офигеть! Мягко говоря. Что значит жить по законам физики? Могла бы сразу сообразить, что это какой-то бред. Но я – дура, уши развесила, говорю Розе:

– А ты приходи ко мне почаще.

Роза явилась уже на следующий день. С тортом. Муж, когда пришла гостя, убрался на кухню, не поздоровавшись.

Роза вдогонку Николаю крикнула:

– А вы знаете, что ваша жена – избранная? Вы должны ее беречь.

Коля вздрогнул и застыл, как дурацкий столб:

– Я никому ничего не должен, – такой он был смелый, потому что выпил.

– Плохо живете? – спросила Роза, когда Николай ушел.

– А мы, как те тельца – слишком приблизились, теперь отталкиваемся, надоели друг другу, – процитировала я Фейнмана.

– Так вам надо отдалиться. В лекциях же об этом написано. Там, если поискать, есть ответы на все вопросы. Только в зашифрованном виде. Поживите отдельно, опять будете испытывать притяжение. И помни: ты – избранная.

Я подумала, что Роза, наверное, права, и нам надо некоторое время, может быть, месяц, пожить отдельно. Николай сразу согласился, собрал вещи и уехал к матери. В комнате стало тихо, никто больше не смеялся над шутками «Камеди Вумен». Вот так.

11.

Муж ушел к матери, зато Роза стала приходить ко мне в гости с какой-то Люсей. Люся тоже работала корректором. Как я сейчас догадываюсь, это была какая-то секта корректоров. Или банда. Правда, их подлинных целей я не поняла. Может быть, они в своих газетах тайно исправляли правильные слова на неправильные. Чтобы свести с ума простого человека. ХЗ. А может быть, они положили глаз на мою квартиру. А может быть, это они специально подложили книгу в холодильник? Это сейчас я так думаю. А тогда расслабилась. Они поймали меня на крючок: ты – избранная. А я им вери-

ла. Даже выучила наизусть послание про маленькие тельца.

Каждый день они приходили ко мне и все время о чем-то говорили, говорили, говорили, ели торты и составляли планы на ближайшие дни – скольким людям они смогут передать завещание Фейнмана.

Первое время зауважала этого Фейнмана Ричарда Филипповича, потому как почувствовала притяжение к мужу уже буквально на следующий день после его отъезда к матери. Как-то стало тоскливо. Но, понятно, что я ему не звонила, не звонил и он.

Еще и Роза с Люсей говорили:

– Ты – избранная, не звони первой. Пусть он тебя оценит.

И все торты они ели.

Роза приносила торт в своей тарелке, тарелку она мыла и забирала домой, а остатки торта вываливала прямо в раковину на кухне. В конце концов, она засорилась.

Я, переборов свою избранность, позвонила мужу, слышу – его телефон отключен, я позвонила на городской – его матери, говорю, мол, засорилась раковина, попросите сына приехать, надо почистить. Он хоть и электрик, а раковины тоже чистил неплохо, потому что руки гибкие.

– А Коля уехал в Нижневартовск. На полгода. Хочу, говорит, остыть от южных женщин, – так мамаша его сказала мне. Как-то злорадно. – Коля говорит, ты в религию ударилась.

Я ничего не ответила и положила трубку.

Задумалась. Вот это да. Вот это я избранная.

В общем, в себя я пришла в следующей ситуации: засорившаяся раковина, муж бросил, а в комнате какие-то две интеллигентки читают вслух лекции Фейнмана.

Я встала, открыла дверь и вытолкала корректоров на лестничную клетку.

– И чтобы я вас больше никогда не видела. И Фейнмана своего забирайте, мне такого не надо, и тортов я ваших больше никогда есть не стану. Не получится у вас меня обмануть. Ищите других избранных.

Они молча ушли.

А с меня как заклятие спало. Я села, заплакала.

Собрала вещи и поехала в Нижневартовск.

Лишний вес

В один прекрасный день нас всех заставили взвеситься.

Многие наши дамы, а у нас женский коллектив, от предложения поначалу отказались, мол, это интимный процесс. Им ответили, что лифтеры за свои услуги хотят брать с разных организаций разные суммы – в зависимости от произведенной лифтом работы: вес сотрудников будут умножать на высоту подъема, потом все суммировать, потом делить... Только на нашем этаже, кроме нас, есть еще три организации, в которых гораздо меньше сотрудников, как им кажется, они легче, их начальство не хочет переплачивать.

Есть у нас одна сотрудница – Вика. Крупная дама. Она заплакала и неизвестно кого спросила:

– Вы хотите, чтобы я уволилась?

Все промолчали.

– Хорошо, я буду ходить пешком по лестнице на шестой этаж.

В конце концов, все, кроме Вики, взвесились. Директор нашего филиала Александр Иванович посмотрел на полную Вику и сказал:

– Лично вам можно не взвешиваться. Под мою ответственность.

Вика забилась в истерике.

Вот такой у нас коллектив.

Я взвесилась. 49 кг при росте 160 см. Прекрасное соотношение.

В конце рабочего дня меня позвал к себе Александр Иванович, посмотрел сначала на бумаги, потом на меня.

– Значит, ты – Татьяна Леонидовна, 49 кг?

– Да.

– Молодец! Ты давно у нас работаешь?

– Пять лет.

– Где?

– В колл-центре.

– Можешь рассчитывать на повышение.

– Спасибо!

– Ты на самолетах летаешь? – продолжил Александр Иванович.

– Конечно.

– Молодец. А на воздушном шаре?

– Не доводилось.

– Это очень интересный жизненный опыт. Как проверка на полиграфе. Но воздушному шару не соврешь. Либо летишь, либо отказываешься, если ты из робкого десятка. Ты из какого десятка?

– Не знаю.

– А хочешь проверить себя?

– Конечно, хочу, – соврала я, воодушевленная вниманием и перспективой повышения.

– Ты смелая. Смелая и милая. Все кому я предлагал, отказались. Вот, подпиши здесь. Что все по доброй воле. На всякий случай. Считай, что ты уже начальник колл-центра. Поздравляю.

Я подписала все бумаги, не читая.

– У тебя есть девиз? – просил Александр Иванович.

– Нет.

– А должен быть. «Все выше и выше и выше». По-моему, это прекрасно. Дарю. Напиши у себя на визитной карточке.

Наша фирма как раз и производила визитные карточки, поэтому визитные карточки были нашей, так сказать, визитной карточкой. Начальство требовало, чтобы у всех были девизы.

Оказалось, что первоначально лететь должна была известная фотомодель, но выяснилось, что шар не поднимает больше шестидесяти килограммов, а модель весила ровно 60. А надо еще 10 килограммов визитных карточек с собой взять. С нашими выходными данными. Чтобы разбрасывать с воздушного шара.

Чтобы летела фотомодель, надо было заказывать другой шар, а это еще 150 тысяч рублей. 150 тысяч на дороге не ва-

ляются.

Я подходила идеально. 49+10. 1 кг – резерв. Платить не надо.

– Завтра утром приходи на центральную площадь. Поле-тишь, – сказал Александр Иванович. – У тебя очень фотоге-ническое лицо. Оденься получше, будет телевидение.

Своему бой-френду Евгению я сказала, что мне надо де-лать карьеру и поэтому наш субботний секс отменяется.

– Так карьеру не делают, – расстроился Женька.

– А как делают?

– Не знаю.

– То-то же.

Я взлетела, одетая во все лучшее. Шар держали за ве-ревку. Я разбрасывала визитки. Потом налетел ветер, и шар не удержали. Зрители захлопали в ладоши и заулюлюкали. Я сразу позвонила шефу на землю:

– Что делать?

– Ничего не делай. Как приземлишься, звони. Мы за тобой вышлем машину.

Балласта в корзине не было – только я. Шар мотался из стороны в сторону. То ближе к земле, то ниже. Один раз

пролетели метрах в трех над вспаханным полем. Надо было прыгать, но не успела, растерялась, сразу налетел ветер. Решила, что спрыгну при первой же возможности, когда внизу будет вспаханное поле.

Иногда я видела внизу какие-то хутора и людей, я махала руками, кричать стеснялась. Но в небо деревенские люди редко смотрят. Да и как они могли мне помочь?

Я позвонила Женьке.

– Сделай что-нибудь.

– Ну что же я могу сделать, Танька? Может позвонить в МЧС? Ты можешь сказать, где ты находишься?

Я не знала, где я нахожусь.

Между тем, похолодало, все-таки сентябрь, накануне прошел дождь. Я дрожала от холода, и меня постоянно тошнило от качки. Я молила бога, чтобы мы не зацепились за высоковольтные линии.

Часов через пять, уже начинало смеркаться, шар видимо, дал течь, и выше 10 метров уже не поднимался. Я спрыгнула посреди вспаханного поля, как и планировала. Пролетела метров пять. Ударилась головой о какое-то бревно, которое не заметила в темноте, и потеряла сознание. Шар, став сразу

легче на 49 кг, резко рванул в небо.

Я пришла в себя уже утром. Услышала детские голоса:

– Мишка, как ты думаешь, кто это?

– Девка какая-то, наверное, из города.

– Поле вскопанное, а следов вокруг нет. Не с неба же она упала. Тетя, тетя, – девочка постучала по мне палкой.

Я открыла глаза. Сумочки с карточкой, и телефоном не было. Мои дорогие туфли тоже куда-то исчезли. Поле было влажным, я вся была в грязи.

– Как вас зовут?

– Татьяна Леонидовна, – зачем-то я назвала себя по имени отчеству.

– А что вы здесь делаете, Татьяна Леонидовна?

Что я здесь делаю? Сказать, что работаю в колл-центре, вешу 49 килограммов, а это рекламная акция такая? Как-то глупо. И неуместно. Про визитные карточки тоже неуместно. А что уместно? Чтобы я не сказала, все прозвучит глупо. Очень глупо.

Надо как-то пошутить. Что ли. Да, хорошая шутка поможет выуртиться из любой затруднительной ситуации. Так нас учили.

– Вот, например, вы на визитке неправильно указали телефон заказчика. Что делать? Как убедить клиента, чтобы он

забрал заказ? – спрашивали нас на тренингах.

Никто не знал, что ответить.

– Эх вы, – вздыхал коуч. – Надо сказать, что наши визитки клиент сможет вручать людям, которым не решается отказать, но видеть их больше не хочет. Учитесь!

Все аплодировали. Я тоже решила пошутить.

– Я – ведьма, я прилетела с Лысой горы, я превращу вас в баранов, – сказала я и зашипела. – Иди сюда мальчик, с тебя начну.

– Миша, не подходи к тете, – сказала девочка.

– Оля, я боюсь, пойдем, отца позовем.

Дети убежали, а вскоре появился мужик с вилами. За его спинами прятались дети, у них в руках были палки. На девочке были мои туфли.

– Она говорит, что ведьма, и она превратит нас в баранов.

– Посмотрим, кто кого, – задумчиво произнес отец, и у меня похолодело внутри, потому что в слове «посмотрим» я услышала угрозу. Он слегка ткнул меня вилами. Не больно. Как бы желая удостовериться, что я не призрак.

– Ей надо в грудь вбить осиновый кол, – предложил мальчик.

– А потом сжечь, – сказала девочка.

– Не тарактите, всему свое время, – задумался отец. – Ты кто такая?

Я решила больше не шутить. Наоборот, подумала, усилю негатив.

– Дело в том, что меня ограбили. И выбросили на поле.

– Кто ограбил?

– Я не знаю. Они были в масках.

Мужик задумался.

– Как-то не сходится. Где следы борьбы? Где вообще следы? Как ты здесь оказалась? Может, ты действительно ведьма?

– Нет, нет, нет. Я прилетела на воздушном шаре.

– Шутишь? – спросил мужик. – Ты ебанутая?

– Да, я сумасшедшая, и я не помню, как, здесь очутилась, – я упала на землю и жалобно завывала. – Что мне теперь делать? Отвезите меня в больницу.

Я зацепилась за мысль о больнице:

– У нас скоро обход, а меня нет на месте. Доктор будет ругаться.

– Она врет, врет, врет, – радостно закричал мальчик. – Она – ведьма!

В этот момент я увидела, как от сарайчика на краю поля к нам побежала толстая тетка в платке, ватнике и резиновых

сапогах.

– Витя, кто это? – спросила тетка.

– Да вот, Тома, ведьму поймали, – объявил мужик.

– Это мы с Олей ее нашли, – сказал мальчик. – Нам осиновый кол нужен.

– Мища, помолчи. Витя, и что ты собираешься делать с этой ведьмой?

– Пусть у нас в сарае поживет, по хозяйству будет помогать.

– Да? Я против. Не надо нам ведьмы в сарае. А ну пошла отсюда, ведьма, – закричала на меня тетка. – Пошла, пошла. А ты, Витя, быстро домой.

Я взмолилась:

– Дайте мне, пожалуйста, телефон..

– Ага, сейчас. Пошла, пошла. Тоже мне ведьма нашлась. А ну-ка, Витя, дай мне вилы, погоняю немного ведьму. Давно никого не гоняла.

Я побежала. Босиком, грязная.

– И чтобы я тебя больше никогда здесь не видела, – тетка схватила ком земли и бросила в меня. Больно попала в позвоночник. Я заплакала. Мальчик тоже бросил в меня грязью. Попал в голову...

Я бежала по проселочной дороге. Кругом были поля,

справа – оросительный канал, ручей, арык, или как их там называют? Канава глубиной метра три. Главное – не свалится в нее – выбраться я бы не смогла. Ужас. Я представила себя в этой канаве. Как я пытаюсь взобраться на поверхность по скользким стенкам. Как я ломаю ногти. Зачем я это представила?

Я бежала, наверное, километров десять пока сзади меня не нагнал КАМАЗ с помидорами. Я встала перед ним на колени.

– Пожалуйста, отвезите меня в город. У меня ничего нет.

– Ладно, садись, – сказал водитель, – Не надо ничего объяснять. Меньше знаешь, дольше живешь. Правильно? – он рассмеялся. – Давай поговорим на нейтральные темы. Ты футболом интересуешься?

Я не ответила. Водитель усмехнулся.

– Это правильно. Я тоже.

Дальше ехали молча. Водитель высадил меня у въезда в город.

– Удачи тебе.

Когда я вылечила воспаление легких, Александр Иванович свое обещание выполнил, я стала начальницей колл-цен-

тра.

Вот такая у меня история успеха.

Женьке, моему бой-френду понравилось, что я стала начальницей.

– Ты молодец, все правильно сделала. Подумаешь, полетала немного и уже начальник колл-центра. Весело провела время.

– Я знаю. А все отказались.

– Да дураки потому что.

– Ленивые.

Рай

Когда я была маленькой девочкой, часто хотела умереть. Раз в неделю в среднем. Чтобы побыстрее оказаться в раю. Посмотреть, что это такое... Вдруг понравится? Реальный мир мне не нравился, я чувствовала себя лишней. Любви в моей жизни тоже не было.

– Мама, а ты бывала в раю? – спрашивала я родительницу.

– Конечно, бывала, доченька, – врала мне мамаша.

– А Ленина видела?

– Нет.

– А раньше говорила, что видела.

– Ну, сейчас другие времена.

– А телевидение там есть?

– 100 каналов, – называла мать фантастическую, как ей тогда казалось, цифру.

– А все мои одноклассники попадут в ад?

– Конечно, доченька.

– А вдруг не все?

Я начинала плакать.

– Успокойся доченька, все там будут.

Иногда я молилась: Господи, пошли мне капельку любви или тяжелую болезнь, чтобы я поскорее умерла и попала в рай! Пожалуйста!

В конце концов, Господь услышал меня. Лет в тридцать. Я влюбилась в футболиста, в нападающего Романа Мишакова, ему тогда было 22 года.

Однажды я увидела Романа по телевизору: он забил гол в ворота команды «Зенит» и заплакал от радости. До того я не видела, как плачут взрослые мужчины. Я сама часто плакала и любила его, как мать.

С Романом мы так никогда и не встретились, я любовалась им по телевизору и даже однажды поцеловала экран. Он не подозревал о моем существовании.

Однажды, уже поступив в пединститут – как и мать, решила стать преподавателем математики, – я написала Мишакову письмо – его электронная почта была на сайте клуба. Просто было интересно, что мне ответят.

Я написала:

«Я ваша поклонница, очень рада за вас, желаю успехов!»

На письмо мне ответили. Видимо, не он сам, а пресс-служба.

«Уважаемая Екатерина! Ваше предложение рано или поздно будет обязательно рассмотрено. Спасибо за понимание».

На письме был исходящий номер – очень большая цифра. Из чего я поняла, что не одна пишу Роману.

Невозможность нашей связи в реальной жизни, усиливало мою интерес к Роману.

Я собирала сканы газетных статей, фотографии. На рабочем столе моего компьютера появилась папка – «Футбол».

Ну а потом... Ну что могло быть потом?

Потом я постепенно смирилась с алгеброй и геометрией этого мира.

Через некоторое время из газет я узнала, что Роман получил травму, не совместимую с профессиональным футболом. Мишаков ушел из большого спорта, женился, собирался уйти на тренерскую работу.

Но эта информация уже не взволновала меня, как в прежние годы.

После института я вернулась в Зерноград, устроилась в местную школу, вышла замуж за учителя географии, и папку «Футбол» удалила с рабочего стола. По требованию мужа.

С мужем мы жили не очень дружно, потому что он не лю-

бил меня. Я его тоже не любила. И мечтала сбежать от него куда-нибудь подальше. Но куда сбежишь? Была еще моя больная мать, муж за дополнительную плату занимался с отстающими учениками, и его финансовый вклад в наш бюджет был весомым.

Зато я узнала, что такое ад. Уроки в 10-ом «Д» я называла адским часом. Десятый дебильный, так я называла этот класс.

Формула $X+Y=Z$ и число «пи» вызывали у них приступы смеха.

Своей тупостью они часто доводили меня до слез. Им нравилось смотреть, как я плачу.

Спустя еще года три, я прочитала, что Мишакова убили. Какая-то непонятная история, о ней мало писали в газетах. Ну, убили и убили. 29 ножевых ранений и одно огнестрельное. Мол, на бытовой почве. Хотя были версии, что убийство связано с его профессиональной деятельностью – он к тому моменту был агентом нескольких очень известных спортсменов. Я удивилась, как такое может быть, выдающийся спортсмен, любимец миллионов, и никаких подробностей.

Я даже хотела поехать на похороны.

Понятно, что я никуда не поехала. К тому же на носу были

выпускные экзамены.

А через год мне приснился Роман, он сказал:

– Что же ты не поехала, я тебя ждал? Впрочем, я жду тебя всегда. Знаешь, как хорошо в раю.

И Роман – во сне – стал мне показывать фотографии с видами рая. Обычные девятиэтажки, но без окон и дверей.

– А что у вас на обед? – поинтересовалась я у Романа.

– Нас, как космонавтов, кормят из тюбиков, очень вкусно и питательно.

– А яблоки дают?

– Конечно, конечно. Какой же рай без яблок? Это Адаму и Еве нельзя было есть яблоки, а нам можно. Правда, перетертые яблоки.

Я проснулась в слезах. Муж сказал, что во сне я кричала.

– Что я могла кричать?

– Что любишь Лобачевского.

Это он так шутил.

Лобачевского он ненавидел. Он на полном серьезе считал, что параллельные не могут пересекаться.

– Докажи, что пересекаются! Вот тебе лист бумаги, нарисуй, как они пересекаются! – так он мне говорил.

– Саша, это нельзя нарисовать, это можно только представить. Вот покажи мне на карте, где расположен рай.

– Запросто. Между Тигром и Евфратом. Вот примерно

здесь – он показывал точку на глобусе. У него было шесть глобусов – подарки от учеников на дни рождения.

– Да? Ну, тогда отвези меня в рай. Ты же говорил, когда делал мне предложение, что у нас будет счастливая жизнь.

– Катя, но ты же знаешь, что на Ближнем Востоке сейчас неспокойно.

Однажды перед уроком я нашла у себя на столе записку: «твой муж спит с учительницей биологии». Не таким, конечно, словами. 10-й «Д» выжидающе смотрел на меня, ждал, когда я заплачу. Ждать пришлось недолго.

Я затосковала, и как в детстве, снова стала мечтать о смерти, как о каком-то избавлении от ненавистного мужа-географа, от вечно болеющей матери, от адского 10-го «Д», и от полного отсутствия перспектив в жизни. Вспомнила футболиста. Подумала, а ведь я ничего не сделала ради своей любви к Роману Мишакову. Не разыскала его в Москве, ни разу не сходила на его матчи, не поехала на похороны.

Может быть, повеситься?

Но тогда я прямиком отправлюсь в ад.

Я подумала, а вот интересно, если я попаду в рай, смогу ли я найти там Романа? Есть какая-то вероятность такого события? Как математик я знала, что у всякого события есть своя вероятность. Пусть даже очень маленькая. Малюсень-

кая. На уровне несбыточной надежды.

Только надо обязательно попасть в рай.

Но как это сделать?

Решила, что уволюсь и пойду нянечкой в дом престарелых – мне показалось, что эта работа обязательно приведет меня в рай. К тому же можно будет пристроить в дом престарелых и мать.

Я составила список добрых дел на ближайшие годы.

Защитить диссертацию.

Развестись с мужем.

Родить ребенка.

Но как я защищу диссертацию, если буду работать в доме для престарелых?

Я засомневалась. Может быть, все это фантазии? Кто мне скажет, могут ли люди встретиться после смерти? Я прочитала Библию и не нашла точного ответа на этот вопрос. Как-то все уклончиво написано. Но признается, что бывали такие случаи, ветхозаветные праведники, например, встретили в раю разбойника, которого распяли вместе с Христом. Но хотели ли они его встретить? Или у них не было выбора? Вот в чем вопрос.

К нам в школу приходит отец Серафим, ведет «Основы православной культуры». Я спросила у него:

– Отец Серафим, могу я надеяться, что после смерти

встречусь в раю с каким-то конкретным человеком? Например, с Лобачевским.

Священник задумался.

– На все воля господня. Но ты уверена, что Лобачевский в раю?

– А где ж ему быть, он же великий математик.

– Быть великим математиком недостаточно, чтобы попасть в рай.

Священник поколебал мою уверенность в том, что футболист Мишаков попал в рай. Вдруг он в аду? И что тогда? Я приложу массу усилий, чтобы попасть в рай и все понапрасну.

– Вот как узнать, куда попал человек после смерти? – спросила я священника. – В ад или в рай?

– Да никак не узнаешь. Как господь решит на Страшном суде, так и будет. Он крещеный?

– Не знаю...

– Если не крещеный, то шансов вообще мало. Практически никаких. Он не татарин случайно?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю, – хмыкнул священник. – Еще есть вопросы?

– А если мне не понравится в раю, смогу ли перевестись в Ад?

Священник посмотрел на меня, как на дуру.

– Эти вопросы не ко мне.

Я пошла к экстрасенсу, бывшему учителю литературы из нашей школы.

Экстрасенс, которому я принесла фотографию Романа, спросил:

– Он тебе кто?

– Это мой любимый. Он умер. Хочу узнать, куда он попал в рай или ад?

– Так, сейчас посмотрим, посмотрим... Ха-ха, – рассмеялся экстрасенс. – Этот человек, скорее всего, жив. Он по каким-то причинам инсценировал свою смерть. Но, ты его вряд ли найдешь, он сейчас в Новой Зеландии.

– В Новой Зеландии?

– Да. Сейчас многие туда едут. Рай при жизни.

Денег на билет в Новую Зеландию у меня не было...

И вы знаете, я почему-то поверила экстрасенсу про Новую Зеландию. И как-то мне сразу стало легко на душе. Как камень свалился с души.

А потом умерла мать, меня бросил муж, сказал, что раньше чувствовал какую-то ответственность за мою мать, а теперь раз ее больше нет, он такой ответственности больше не чувствует, ни за нее, ни за меня.. Муж ушел к учительнице биологии. Я ударила ее палкой по голове, у нее было со-

трясение мозга. Меня уволили из школы. Теперь я работаю приемщицей заказов на ксерокопии.

В общем, закрутилась я в жизненной воронке. И больше я никогда не вспоминала Романа, и не думала ни о рае, ни об аде. Как будет, так и будет. Слава богу, что Роман жив.

Две сестры

8 августа 2018 года мне исполнялось 45 лет. Мне был нужен новый паспорт. Понятно, что это мой последний в жизни паспорт, последнее, можно сказать, прощальное фото, поэтому я должна была выглядеть на миллион долларов, по курсу на тот день – 66 миллионов рублей. Понятно, что таких денег у меня никогда не было. Но!

Я все рассчитала: ровно месяц после 8 августа я буду омолаживаться: ейские грязи, гиалуроновая кислота, массаж африканским улитками. В последний день, на пике омоложения я сфотографируюсь. И через 10 дней получу новый паспорт. Так я укладываюсь во все сроки. Тютелька в тютельку. Без, так сказать, штрафных санкций.

К подобным фотографиям я всегда относилась ответственно.

Когда мне исполнилось 16 лет, и я должна была получить свой первый паспорт, специально сделала химию с челкой на лоб. С такой прической я выглядела, как звезда бразильских сериалов.

У меня была сестра – Оля, она и сейчас есть. Мой монозиготный близнец. Старше меня всего на два часа. Но эти два

часа позволяли ей чувствовать себя хозяйкой положения.

Например, в 16 лет она взяла мою фотографию и отнесла в паспортный стол, выдав за свою. Она видимо тоже хотела выглядеть, как звезда, но у нее были короткие волосы. Она сказала:

– Не могу тратить время на такую ерунду. На носу первенство города по боксу, надо тренироваться ежедневно.

Оля занималась боксом.

Сейчас, спустя годы, я понимаю, что Оля тоже, наверное, хотела, как-то отличаться от меня, эдакой Барби. Я в себе культивировала эту кукольность.

Оля же решила пойти по спортивной линии. Она справедливо полагала, что я никогда по этой линии не пойду. Потому что я в душе – гуманитарий. Я читала Булгакова и другие умные книги.

Так вот, Оля занималась боксом. И у неё под глазами постоянно были синяки. И она, наверное, не хотела в таком виде фотографироваться.

Это сейчас я понимаю... А тогда меня просто взбесило ее вероломство.

– Это моя фотография. Я столько в нее вложила.

Я не хотела, чтобы нас путали. Я может быть, даже уехала с малой родины, чтобы нас не путали.

Но понятно, свои претензии сестре я высказывала мысленно – Оля занималась боксом и запросто могла ударить или повалить меня на пол и придушить.

Справедливости ради надо сказать, что Оля защищала меня от хулиганов.

Она хотела быть человеком непредсказуемым и даже иногда опасным. Такой был у нее имидж. Я же была такая рохля. В присутствии которой говорят не «член», а «пеннис».

Однажды Оля украла в магазине спортивные трусы. Продащица, знакомая матери, пришла к нам домой, с требованием вернуть трусы.

Оля сказала, что стащила трусы Анастасия, то есть я.

Мать меня побила, она почему-то больше верила сестре. Мать когда-то занималась велосипедным спортом, и Оля была ей ближе.

– Ладно, сестра, не обижайся, если бы выяснилось, что трусы украла я, меня бы не допустили к соревнованиям на первенство города, у нас строгий тренер, – сказала мне на следующий день Оля. – Если хочешь, можешь встречаться с моим Николаем вместо меня, он классно целуется.

Николай был красавчиком, сыном начальника районного управления торговли, года на два старше нас с сестрой.

Колю должны были забрать в армию, но отец отправил сына на полгода в психбольницу. Николай, оправдывая звание психа, исполнял под гитару песни собственного сочинения. О нем мечтали все девочки нашего района.

– А как же ты? Не жалко? – спросила я Олю.

– А мы будем встречаться по очереди, – сказала сестра. – А ты за это сдашь за меня экзамены по русскому и литературе.

Я согласилась. Пару раз встретилась с Николаем, но мне не понравилось. Он постоянно пел песни, а мне хотелось говорить.

В 25 лет у нас были разные фотографии на паспорт, потому что после школы я уехала в областной центр, поступила в финансовый техникум. Оля осталась на малой родине. Сестра вышла замуж за Николая, который в середине 90-х перестал петь песни, и воспользовавшись связями отца, открыл свой бизнес – сеть торговых павильонов.

У них появилась машина, собственный двухэтажный дом. С барского плеча они даже купили мне квартиру в Ростове, чем поставили меня в неловкое положение. С тех пор, я всегда чувствовала, что должна им что-то, это меня угнетало. Мы стали меньше общаться и даже потом, когда все их ларьки сгорели, как-то мы не находили тем для телефонных разговоров.

Но! Я постоянно вела с Олей мысленные диалоги. По лю-

бому поводу.

Например, когда хотела купить кеды.

Я считала, что Оля не одобрила бы мой выбор.

– Сестра, тебе уже 35 лет, ты заготовила на зиму соленья?

Какие кеды, ты солидная дама? – я так прямо и представляла, как она мне это говорит, ее голос, интонацию. Олю я представляла в красных туфлях на высоких каблуках. Я знала, что она постоянно делала закрутки. Овощные и фруктовые закрутки заменили ей бокс.

– Нет, ничего я не закрутила, потому что я по вечерам хожу в кино, театры и на концерты.

Я тогда работала администратором в филармонии, поэтому на многие мероприятия могла попасть бесплатно.

– Я хочу купить себе кеды, потому что, может быть, спортом, буду заниматься.

– Никаким спортом ты не будешь заниматься, ты же сама это прекрасно знаешь.

Ольга была против того, чтобы я вышла замуж за Михаила.

– Но ты же его никогда не видела...

– Он бабник, хотя и мало зарабатывает. Ты же сама это понимаешь.

Сестра не заняла мне денег, когда я хотела поехать на Байкал.

– Настя, у нас больше нет сверхдоходов. Зато есть двое детей.

– Но я же никогда не видела Байкал.

– Это можно пережить.

Я долго спорила с Ольгой, когда решила сделать татуировку. Две черно-красные розы на плече.

– Настя, зачем, это тебе? Ты что – шлюха?

– Это у вас в маленьком городе татуировки делают только шлюхи, а у нас это норма, – так я мысленно отвечала сестре.

– Ну тогда я тебе больше не буду звонить.

– Ну и не надо.

Это были мвсленные споры. Но как ни странно, Оля не звонила около года, пока я мысленно не помирилась с ней, согласилась с ее советом. Я вдруг решила, что буду вегетарианкой. Подумала, интересно, одобрит меня Ольга или нет. Нет, скорее всего, Ольга бы меня не одобрила. Сказала бы, что человек создан природой в виде хищника, и нам эту природу не переделать в течение одного поколения. Я согласилась с Ольгой, вегетарианкой я не стала.

– Видишь, сестра, я прислушиваюсь к тебе.

Буквально на следующий день сестра позвонила.

– Как дела?

– Хорошо.

– А я сегодня всю ночь помидоры закручивала.

Помню, что мы сильно поссорились, когда я решила попробовать марихуану.

– Оля, ну интересно же. Ведь в жизни надо всё попробовать. Вот ты же мне предлагала своего Николая.

Оля мысленно мне отвечала, что предлагала по молодости, а сейчас бы не предложила, а ошибки можно делать до 30, а после 30 этих ошибок уже делать не стоит. А если что-то и пробовать, то бокс, вольную борьбу, стрельбу из лука, альпинизм.

– Можно попробовать приготовить сотэ, могу дать рецепт.

Мысленно я передала ей сообщение:

– Спасибо, не надо. И давай отдохнем друг от друга.

– Ну и пожалуйста.

Последние лет пять мы ни разу не виделись и не созванивались. Мы обе были принципиальными натурами.

Но вернемся к вопросу о паспорте.

Я тщательно ухаживала за лицом. Помолодела внешне лет на десять.

И вот в последний день омоложения я встретила подругу, которая спросила, а не хочу ли я сняться в массовке.

– Тут снимают какой-то сериал о донских казаках.

Нормальный человек, отверг бы такое предложение.

Но я подумала, почему бы нет? Мне самой мне лет через 10 или даже 15 будет интересно посмотреть, как я выглядела накануне своего 45-летия.

К тому же пообещали заплатить по 500 рублей. А деньги мне были нужны, потому что к тому времени я уже была просто распространителем билетов, сказали, что так много администраторов на современном этапе не нужно.

Я должна была играть одну из 20 женщин средних лет, стирающих белье в реке. Типа вся деревня вышла постирать белье, и среди стирающих вдруг появляется главная героиня – профессиональная актриса, она тоже стирает белье. Подъезжает главный герой на «Мерседесе», забирает героиню, они уезжают. Конец.

Снимать должны были за городом, у реки, куда нас вывезли на автобусе. Эпизод сняли часа за три, но денег нам не дали. Сказали, что потом, в городе.

Однако у некоторых женщин с собой и так была водка. Мы решили отметить наш дебют в кино. На берегу Дона.

В общем, утром в понедельник, я проснулась у реки. Голая и вся покусанная комарами. Видимо, мы купались.

Не просто покусанная. На мне не было живого места. Ко-

мары покусали меня всю от пяток до кончика носа. К тому же во сне я расчесала укусы на своем омоложенном лице.

В таком виде сниматься на паспорт было нельзя. Следовательно, через десять дней меня оштрафуют на пять тысяч рублей, заблокируют счет в банке, я не куплю билеты на самолет или поезд (были такие планы, все-таки я собиралась поехать на Байкал).

Это плохо. Это очень плохо. Это крах всего.

И тут мне в голову пришла гениальная мысль.

Я позвонила Ольге. Подумала, а ведь ей тоже нужно было сниматься на паспорт.

Я не стала говорить, что меня покусали комары.

Сказала:

– Привет, сестра, как поживаешь. Давно не виделись. Сбрось мне на почту свою фотографию на паспорт, а я тебе свою. Интересно же сравнить.

Теперь последняя фотография в моем паспорте – это Ольга. Обветренное лицо 55-летней женщины, большую часть своей жизни проработавшей продавщицей в ларьке. Наверное, я так тоже должна была выглядеть, если бы не прошла курс омоложения.

– Блин, Оля, ну почему ты не следила за собой? Ведь это

твое последнее фото, – я опять начала с ней мысленно спорить.

– Настя, я ведь старше. Ты же знаешь.

– Ты права, Оля. Извини.

Я успокоилась. Неизвестно же, как я буду выглядеть лет в 60. Может быть, не захочу смотреть на себя в зеркало. Может быть, вместо зеркала я буду смотреть в паспорт и думать, какая я была красивая. Пусть это была и не я.

А может быть, я уже никуда не буду смотреть. Все же может быть.

Может быть, именно эта фотография будет у меня на этой, как ее, гробничке.

Тьфу, тьфу... Не дай бог, конечно. Что за дурацкие мысли.

Невидимка

Пьеса для одного актера

1.

Моя мать часто говорила: не люблю фотографироваться, я нефотогенична.

– Мама, это не имеет значения, твоя фотография просто будет напоминать мне о тебе, когда ты умрешь, я буду смотреть на снимок и плакать. Фотографируйся, пожалуйста, мама, почаще.

У меня была девушка по имени Татьяна, которая считала, что я не умею снимать. «Поэтому я никогда не получаюсь красивой», – говорила девушка.

Если я ее рисовал, она уничтожала мои работы: «Разве у меня зеленая щека? Разве у меня красные зрачки? Почему у меня несимметричное лицо?»

– На черно-белой фотографии у тебя серые лицо и глаза, черные губы. Тебе это больше нравится? – спрашивал я у девушки, но она сердилась еще больше и рвала, рвала, рвала мои картины. Мы расстались.

2.

По этому поводу я вот, что скажу: «Радуйтесь, что вас вообще кто-то рисует или снимает. И сразу распечатывайте свое изображение на принтере. Мало ли что, никто же не зна-

ет, как долго будут храниться изображения на современных носителях.

Вдруг, какая-нибудь электромагнитная вспышка на Солнце сотрет всю информацию. Или, не дай бог, нейтронное оружие. Тоже все сотрет».

На самом деле, это счастье, когда тебя можно сфотографировать! Ты это понимаешь, только когда утрачиваешь такую возможность.

3.

Когда-то меня фотографировали, были и такие времена. Мою фотографию можно было увидеть на страницах газет. Например, в статье «Художник нарисует 10 картин по заказу директора авторынка «Фортуна». Там была моя фотография. Я стою рядом директором авторынка Любовью Семеновной Винник.

О проекте «Авто-портреты» было написано около десятка статей. «Рынок поддержал современное искусство». «Фортуна улыбнулась художнику».

Как я потом узнал, автопортреты – были частью рекламной компании нового авторынка. Типа информационного повода.

Любовь Семеновна заказала мне десять «автопортретов». Правильно писать: «авто», дефис, «портреты». Это ее выражение, так она креативила, по ее собственному выражению. На самом деле речь шла о десяти изображениях дорогих ав-

томобилей для ее автосалона.

– У вас есть опыт в изготовлении таких портретов? – спросила она меня при первой встрече.

– Конечно, – ответил я, и это было правдой. Однажды я писал портрет баржи для Волго-Донского пароходства. Заплатили, но со скандалом. Сказали, что у вас слишком много психологии, а портрет нужен парадный. То есть, старая баржа должна быть как новая.

4.

Я сразу сказал Любове Семеновне:

– В таких делах важно определиться: вам нужен психологический портрет или парадный?

– Называйте это, как хотите. Пусть будет парадно-психологический портрет. Понимаете, мой дружок, вы должны нарисовать так, чтобы в окнах и на никелированных деталях отражалась, какая-то волшебная жизнь, чтобы водитель, пассажиры, прохожие были пришельцами из неведомых простому большинству миров, миров, где все совершенно, где нет горя, где всегда праздник.

– Что-то типа рая? – спросил я.

– Почти. Чтобы оставался люфт для развития. Потому что рай – это тупик для продажника. Там никому ничего не надо, – она говорила так уверенно, будто неоднократно бывала в раю. «У нас на раю». Так она могла бы сказать.

Мне ничего не оставалось, кроме как также уверенно от-

ветить:

– Я вас услышал, сделаем.

– Я думаю, что художники – это люди не от мира сего и вам будет нетрудно представить рай.

Господи, какая дура, рай художнику труднее всего представить, ад – пожалуйста. Нет, конечно, есть «Рай» Тинторетто. 7 метров на 22. Самая большая картина в мире. Но что это за рай? Скорее доска почета. 500 человек, кандидаты в рай. Но самого рая на картине нет. Так, какие-то облака. Про Босха я вообще не говорю. У него рай для двоих. Для Адама и Евы. То есть, он не смог представить, как рай будет выглядеть, когда в него попадут миллионы праведников.

Я ничего не понял, и решил действовать на свой страх и риск. Орел или решка. Это мой девиз. Так я для себя решил.

5.

За три месяца я нарисовал десять «авто-портретов». С элементами комикса.

Моя самая любимая работа была такой: хозяин «Мерседеса» меняет колесо, его двое детей и жена рассматривают карту, не видя, что у них за спиной указатель – до рая 60 километров. Хозяин видит указатель и улыбается от счастья. Типа, он видит, что до рая уже совсем рукой подать, как от Ростова до Таганрога, в то время как его родственники не могут найти дорогу даже на карте.

На втором месте в моей рейтинге была такая картина. У сверкающего «Ауди» на обочине сидят пожилые, но чистые и аккуратные старик со старухой, с ромбиками, сигнализирующими о высшем образовании, перед ними накрытый стол, вино, закуска. И подпись: «Закончился бензин? Не страшно. Просто подождем». Ну и указатель – В РАЙ.

Третья картина – мальчик на перроне с родителями. У мальчика на веревке точная копия Тойоты. Из нее выглядывают куклы, очень похожие на самого мальчика и его родителей, чем-то опечаленных. Такой комикс. Муж спрашивает у жены: «А где же расписание, какая платформа, с какого пути?» Жена отвечает: «Успокойся дорогой, мы на верном пути и все платформы наши».

6.

Увы, все мои планы пошли крахом. Я это понял сразу, как только, 15 июня, в воскресенье, увидел лицо этой самой хозяйки «Фортуны». На ее лице было нарисовано страдание, нарисовано ярко-красной вульгарной помадой, какой-то нелепой крем-пудрой, и черно-синей краской для ресниц. И как-то мне стало сразу понятно, что это я заставляю ее страдать.

Эта толстожопая несимметричная тварь сказала:

– Сядьте!

– Я постою.

– Сядьте, молодой человек! Не запомню, как вас зовут.

У меня где-то записано. Но не помню, где.

– Михаил Александрович.

– Да, точно. Что-то в этом роде. Так вот, Михаил Александрович, нам не нравится, как вы справились с заданием. Это насмешка над нашими потенциальными покупателями. У вас есть свой автомобиль?

– Нет, – сказал я. – И в раю я не бывал.

– Тогда понятно. В ваших работах нет восхищения, нет роскоши, на ваших машинах не хочется ездить, ими не хочется хвастать, их не хочется покупать. Это я вам как хозяйка автосалона говорю.

– Но вы же сами хвалили мои работы на прошлой неделе, – так оно и было, между прочим. – Вы даже поместили их в рамки.

– Я не хотела вас расстраивать, думала, вы как-то и сами поймете, что-то исправите. Но вы не поняли и не исправили.

– То есть, вы мне не заплатите?

– Нет, конечно.

– Можно, я заберу портреты себе?

– Смеетесь? Об этом не может быть и речи. Я потратила на вас уйму времени и денег, каждая рамка – 8 тысяч. Все, вы свободны.

Она потратила на меня уйму времени. Тварь, тварь. Я понял, она решила меня кинуть.

– Я не уйду. Я буду кататься по полу. Дайте хотя бы десять тысяч.

– Ничего я вам не дам. Впрочем. Вы тирамису ели?

– Ел.

На самом деле не ел я никакого тирамису, но слышал и даже видел, как другие ели. Неловко было сказать, что я не ел тирамису. Мужчина за сорок и не ел тирамису. Это какой-то моральный урод или нищий. Так же как в пятнадцать: ты спал с девушками? Конечно, я спал с девушками. Как может быть иначе? А я не спал с девушками в пятнадцать лет и даже в двадцать. Более того, однажды в бане общего пользования ко мне абсолютно голому приставал какой-то небритый мужик. Так вот и это тирамису.

– Ролл Филадельфия? Вам известно такое блюдо? – спросила она следующим номером своей программы.

– Известно.

– Панна-котта?

– Конечно.

– Бламанже?

– Его подают с шампанским...

– Меренга?

– Да.

– Брауни, фандана?

– Конечно.

– Вас не легко удивить. Папайя?

– Что это? – решил я прервать глупый разговор, о папайе

я слышал, но не ел.

– Вот угощайтесь. Это папайя.

Она достала из холодильника что-то зелено-оранжевое с черными маленькими косточками, напоминающими черную икру.

– Если у вас это действительно первый раз, можете загадать желание. Загадали? Это моя плата за вашу работу.

Спорить с ней было бесполезно. Все знают, что она как-то связана с мафией, муж ее был связан и его даже за это убили, и, получается, это еще хорошо, что я вырвался из ее трехэтажного замка живым. Но как жить дальше, я не знал. Я был в отчаянии. Хорошо, что у меня больше нет жены Татьяны, а детей никогда и не было.

7.

В минуты отчаяния мне часто хочется выпить. Тогда я иду к другу. Тогда у меня был друг. С друга я, кстати, рисовал хозяина «Мерседеса», который меняет колесо. Понравилась ли ему моя работа, я не спрашивал, а сам он ничего не сказал. Наверное, не понравилась.

О! Что это был за друг! Большую часть жизни он проводил в гараже. Гараж достался ему от отца, который всю жизнь мечтал купить автомобиль, но не успел. Жизнь так быстротечна, а автомобили в те времена стоили так дорого, отец

друга не встретил свой автомобиль. Не догнал.

Гараж – бетонная конструкция площадью 23 квадратных метра, есть смотровая яма. В яме – банки с солеными огурцами. Они стояли там уже лет десять. Сергей говорил, что у него есть планы на эти огурцы. Какие именно, он не говорил, но понятно, что они как-то связаны с самогоном. Потому что самогон в его жизни был смысловой доминантой.

В гараже всегда пахло этим напитком – потому что вдоль стены стояли восемь, сообщающихся между собой 10-литровых стеклянных баллонов.

Моего лучшего друга звали Сергеем. Бывший химик. Последние пять лет своей жизни он посвятил самогону.

Сергей любил придумывать своим напиткам романтические названия. «Три шестерки», «Гидрогенид прошлого», «Окись веры», «Запах мандрагоры».

Он полагал, что по этим названиям можно оценить его чувство юмора.

Обычно он говорил:

– Вот, Мишка, попробуй, это «Графиновка Лучистая». Восьмикратная перегонка, все вредные фракции – легкие и тяжелые – вывел, вместо одной из банок – графин из горного хрусталя, плюс один секретный ингредиент.

– Но она же светится.

– Да. Потому что здесь немного радия. Это и есть секретный ингредиент.

– Я не буду это пить.

– Не бойся. Один раз можно. Ты же не знаешь, сколько радия, например, в хлебе который мы едим. А в начале XX века радий добавляли даже в зубную пасту. Не знал? Может, и сейчас добавляют.

Кумиром Сергея была Мария Кюри, которая ради радия готова была на все, она дожила до 66 лет.

– 66 лет! Мало что ли? Мне хватит. Литров десять «Графиновки Лучистой» я уже продал и пока никто не жаловался. Будешь?

– Ладно. Давай, – я никогда не отказывался от выпивки.

Выпив самогону, мы любили пофилософствовать.

– А вот ты хотел бы жить вечно? – обычно беседу начинал я.

– Хотел бы, очень хотел бы, очень-очень-очень, а что? – Сергей всегда заинтересованно откликался на мои философские вопросы. – У тебя есть идеи?

– Да ничего. Я лично не хотел бы жить вечно. Я представил, что вдруг надоела вечная жизнь, захотел повеситься. Повесился и не умираешь. И висишь так месяц, другой. И крикнуть не можешь, горло же сдавлено. Ждешь, когда кто-нибудь, ты, например, придет в гости и выбьет дверь. Это, Сережа, страшно.

– А я бы не вешался. В моей жизни и так много страда-

ний, – так мне ответил тогда Сергей.

8.

Между прочим, у меня был период когда я был готов к самоубийству. Однажды гадалка сказала, что перед смертью, я нарисую картину, портрет незнакомки на фоне ковра с жирафами, и он будет удачно продан, я стану мировой знаменитостью, типа Бэнкси. Почему, кстати, как Бэнкси? Я тогда не понял.

И я – хотя на то не было никаких оснований – вдруг поверил гадалке.

Я 10 раз рисовал незнакомок, но мои работы не покупали.

– Значит, ты рисовал знакомых женщин, – утешал меня Сергей, он всегда меня утешал. – Ты же всегда с ними знакомился, прежде чем рисовать.

– В большинстве случаев, да. Но в двух случаях я находил натурщиц через объявление в газете, специально не спрашивал их имя, и сам не представлялся.

– Но они же тебя видели, а у тебя вся твоя история написана на роже.

– Неправда, неправда, неправда.

– Пусть неправда. Другая версия – ты должен нарисовать незнакомку, а потом покончить с собой, картина будет продана, ты станешь знаменитым, сказала же гадалка, что перед смертью нарисуешь, перед смертью, на этом акцент, – так говорил Сергей. – И ты станешь знаменит. Но после смерти.

И я был уже готов на такой поступок. Но потом передумал и вообще забыл о гадалке и незнакомках.

В таком духе мы философствовали.

9.

Когда я рассказал Сергею историю с автопортретами, он спросил:

– Так и что, ты загадал желание, после того, как впервые съел папайю?

Мне было стыдно, но я признался:

– Загадал. Потому что я был в отчаянии, хватался буквально за все, в том числе и за это желание. Думаю, загадаю, на всякий случай. Не стал загадывать что-то несбыточное. Я вспомнил один случай из своей жизни. Однажды я пошел в секонд-хенд, подобрать себе новые брюки. И нашел в кармане этих брюк сто евро. На этот раз загадал, что найду в кармане брюк из секонд-хенда двести евро. Подумал, что это вполне реально. Прошел, как в тумане, все комиссионки, обыскал все карманы, но ничего не нашел. Если бы ты знал, как мне нужны деньги!

– А слава? После смерти, хотя бы, – Сергей хотел все-таки перевести нашу беседу на философские рельсы.

– Понимаешь, Сережа, слава может придти и после моей смерти, но если у меня не будет денег, я не смогу подготовить ее приход. Ты знаешь, в Америке рисунок, выполнен-

ный обезьяной, стоит от 200 долларов до тысячи!!!! Почему я не родился обезьяной?

– А вот скажи, тебе главное самовыражение или признание? Может такое быть, ты, как обезьяна, рисуешь то, что тебе не нравится, но тебе за это хорошо платят?

– Может быть. Вполне. Это моя мечта на данный момент.

– А на необитаемом острове ты бы рисовал?

– Рисовал, но не терял бы надежду, что когда-нибудь выберусь с этого острова.

– А без надежды?

– Я не знаю, – сказал я и на моих глазах выступили слезы, – слезы – это следствие 200 граммов выпитых мною крепких напитков.

– А вот Камю бы рисовал. Я его поклонник. «Миф о Сизифе» – моя настольная книга. Лично я бы рисовал на необитаемом острове, но не умею.

– Поэтому тебе легко рассуждать, – сказал я и заплакал.

– Только по полу кататься не надо, – Сергей увидел мое состояние, ушел к себе в гараж, принес огромную бутылку зеленой жидкости.

– Пятикратная очистка, с добавлением экстрактов стернбергии, крокуса и безвременника. Ну и опять же немного радия. Я сейчас радием увлекся. Мне кажется, за ним будущее. Плюс немного зубной пасты – для аромата.

– Серень, без радия никак нельзя?

– Я две недели пью ежедневно и, как видишь, жив. И...

Прошу внимания! Я покажу тебе один фокус. Сейчас я, на твоих глазах, выпью стакан этого напитка, и – внимательно следи за мной.

Сергей перекрестился и выпил стакан адской настойки.

– И лучше не закусывать. Сейчас поймешь, почему, – мой друг загадочно улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.